

Предисловие издателя

В распоряжении автора не было стандартной писчей бумаги. Он писал в библиотеке, где хранилось тысяч восемь разных книг, абсолютно никому, кроме него, не нужных. Большинство из них так никто и не прочел, и вряд ли это им грозило в будущем, поэтому он мог бы с чистой совестью использовать вместо писчей бумаги вырванные из книг титульные листы. Но он этого не сделал. Почему — нам не известно. Так или иначе, он писал эту книгу карандашом на всем, что попадалось под руку, — от темной оберточной бумаги до конторских бланков с чистой обратной стороной. Поэтому здесь, вопреки обыкновению, появились сплошные линии, указывающие, где кончается один клочок и начинается другой. Если абзац совсем маленький, значит, и клочок был маленький.

Можно подумать, что автор, роясь в мусоре в поисках годных для писания листков, надеялся, что это поможет ему представиться существом безобидным или вовсе невменяемым — ведь он ждал суда. Но не менее вероятно и то, что он бросился писать, даже и не помышляя о том, что пишет книгу на чем попало, исписывая любой клочок, оказавшийся под рукой. Возможно, ему показалось, что очень удобно писать на одном клочке, потом на другом — как будто перед ним бутылки и пузырьки, которые надо наполнить. И когда очередная бутылка была наполнена, независимо от разме-

ра, он, должно быть, чувствовал удовлетворение: все, что стоило писать про то или про это, было написано.

Все странички он пронумеровал, так что можно не сомневаться ни в том, что они составляли цельную рукопись, ни в том, что он все же надеялся: эту книгу кто-нибудь прочтет, несмотря на растрепанный и жалкий вид. Собственно, он сам упоминает об этом то там, то тут — и чем ближе к концу, тем увереннее он говорит, что пишет книгу.

Здесь изображено несколько надгробий. Собственно ручно автор нарисовал лишь одно из них. Остальные — копии, сведенные, очевидно, при помощи прозрачной бумаги, наложенной поверх оригинала, прижатого к оконному стеклу, освещенному солнцем. На пустой поверхности надгробного камня он потом писал разные слова, а на одном — всего лишь вопросительный знак. Воспроизвести их на странице книги сложно, поэтому надписи набраны типографским шрифтом.

Автор лично несет ответственность за то, что некоторые слова почему-то написаны с заглавной буквы, хотя дотошный редактор предпочел бы это исправить. Кроме того, Юджин Дебс Хартке решил, по непонятным для нас причинам, что все числительные надо изображать цифрами, кроме тех случаев, когда с них начинается фраза, например, «2» вместо «два». Может быть, ему казалось, что если цифры разбавлять буквами, они потеряют свою силу.

Поразмыслив, я решил отнестись ко всем его пристрастиям и чудачествам с уважением. Помню, другой автор как-то сказал мне, что есть одно, самое священное слово в громадном запасе редакторских значков и заколючек. Вот оно: «ост.», то есть «оставить как есть».

К.В.

*Эта книга — чистый вымысел
и посвящается вам*

1

Меня зовут Юджин Дебс Хартке, родился я в 1940-м. По требованию дедушки с материнской стороны, Бенджамена Уиллса, Социалиста и Атеиста, простого дворника в Институте Батлера, что в Индианаполисе, штат Индиана, меня назвали в честь Юджина Дебса из Терр Отг, тоже в Индиане. Дебс был Социалист и Пацифист, и Профсоюзный Деятель, несколько раз выставлявший свою кандидатуру на выборах президента Соединенных Штатов Америки, и голосов он получил больше, чем любой другой кандидат, выдвинутый третьей партией, за всю историю нашей страны.

Дебс умер в 1926-м, когда мне было –14 лет.

Теперь у нас 2001 год.

Если бы исполнились надежды и чаяния большинства людей, к нам снова пришел бы Иисус Христос, а американский флаг развевался бы на Венере и на Марсе.

Да что-то не повезло...

Но Конец Мира все же настанет, и многие заранее радуются от всей души. Ждать осталось совсем недолго, но все же в 2000 году конца мира не было. Я полагаю, что Всевышний просто не очень-то увлекается Нумерологией.

Дедушка Бенджамен Уиллс умер в 1948-м, когда мне уже было + 8 лет, и он успел убедиться, что я выучил наизусть слова, изреченные Дебсом:

«Пока существует угнетенный класс, я в его рядах. Пока существует преступность, я к ней причастен. Пока хоть одна живая душа томится в тюрьме, я не свободен».

Но я, названный в честь Дебса, вовсе не унаследовал его чувствительное сердце. С того времени, как мне исполнился 21, и до 35 я был профессиональным военным, кадровым офицером Армии Соединенных Штатов. За эти 14 лет я бы ничтоже сумняшеся уколошил и Самого Сына Божия, и любого другого сына любого другого отца и матери, да и вообще все и вся, по приказу вышестоящего офицера. Внезапный, унижительный и позорный конец Вьетнамской войны застал меня в чине подполковника, и у меня были 1000чи и 1000чи подчиненных.

Во время этой войны, в которой главным был вопрос о запасах вооружения, существовала совершенно микроскопическая вероятность того, что именно я дал сигнал той газовой атаке или напалмовому штурму с воздуха, который встретил возвратившегося к нам Иисуса Христа.

Я вовсе не собирался стать профессиональным солдатом, хотя из меня вышел хороший солдат, если можно поставить эти два слова рядом. Мысль послать меня в Уэст-Пойнт, неожиданная, как конец Вьетнамской войны, явилась откуда ни возьмись, когда я доучивался последний год в школе. Я давно и твердо решил, что пойду в Мичиганский Университет, буду изучать Английский, Историю и Политологию и работать в студенческой ежедневной газете, чтобы набить руку в журналистике.

Но тут мой родитель, инженер-химик, принимавший участие в производстве пластика с периодом полураспада в 50 000 лет, и нашпигованный дурацкими

идеями, что твоя рождественская индейка, заявил, что я поступаю в Уэст-Пойнт. Сам он никогда в армии не служил. Во время II мировой войны его сочли слишком ценным «мыслителем» в области химии, чтобы позволить напялить на него солдатскую форму и превратить его за 13 недель в придурка, одержимого манией убийства и самоубийства.

Меня уже приняли в Мичиганский Университет, когда мне на голову точно с неба свалилась идея поступить в Военную Академию Соединенных Штатов. Это предложение застигло моего отца в тяжелое для него время, когда он попал в полосу неудач, и ему было необходимо хоть чем-то похвалиться, чтобы вернуть себе уважение наших простоватых соседей. Для них приглашение в Уэст-Пойнт было великим везением — все равно что приглашение в профессиональную бейсбольную команду.

Он мне так и сказал, а я всегда повторял это зеленым новичкам из пехотного пополнения, как только они сходили на землю Вьетнама с корабля или с самолета:

— Перед вами открываются грандиознейшие возможности.

А вот если бы наш мир был устроен получше, знаете, кем я хотел бы стать? Джазовым пианистом. Я говорю о джазе. Никакого рок-н-ролла. Я говорю о той музыке, в которой ни одна нотка не повторяется — ее подарили миру американские чернокожие. Мне пришлось играть на рояле в чисто белом джаз-банде, в моей школе для белых в Мидленд-Сити, Огайо. Мы называли себя «Продавцы душ».

Хорошо ли мы играли? Приходилось играть популярную музыку для белых, иначе нас бы вообще никуда не приглашали. Но мы частенько срывались

с привязи и играли настоящий джаз. Похоже, что никто никакой разницы не замечал. Но мы-то знали. Мы были от себя в восторге. Мы сами в себе души не чаяли.

Не стоило отцу заставлять меня учиться в Уэст-Пойнте.

Мало того, что он поганил окружающую среду своими сверхстойчивыми пластиками. Подумайте, что он со мной сделал! Какой он был простофиля! А моя мамочка подпевала ему во всем, что бы он ни придумал, а значит, и у нее тоже были не все дома.

Их обоих убило в дурацкой катастрофе, в лавке сувениров на канадской стороне Ниагарского водопада, который местные индейцы раньше называли «Гремящей Бородой», — на них обвалился потолок.

В этой книге нет слов, входящих в непечатные выражения, кроме «черт» и «Бог», — так что не бойтесь, невинное дитя не найдет здесь ни 1го ругательства. Время от времени я, говоря о Вьетнамской войне, буду выражаться так:

— Это было тогда, когда экскременты влетели в вентилятор.

Пожалуй, единственный принцип, который мне внушил Дедушка Уиллс, принцип, который я чтил всю свою сознательную жизнь, заключался в том, что сквернословие и богохульство дают право людям, не желающим получать неприятную информацию, затыкать уши и закрывать глаза, когда вы к ним обращаетесь.

Самые наблюдательные солдаты из моих подчиненных во Вьетнаме поражались, что я никогда не ругаюсь — второго такого они в Армии не встречали. Иногда они меня спрашивали: может, это из религиозных соображений?

А я отвечал, что к религии это не имеет ни малейшего отношения. Признаться, я почти законченный атеист, как мамин папаша, хотя этого я им не говорил. Стоит ли спорить с человеком, лишая его надежды хоть на какую-нибудь Жизнь за гробом?

— Я не сквернословлю, — говорил я обычно, — потому что и твоя жизнь, и жизнь тех, кто рядом с тобой, может целиком зависеть от того, понял ли ты, что я тебе говорю. О'кей? О'кей?

Я вышел в отставку в 1975-м, когда экскременты влетели в вентилятор, однако не пропустил возможности сделать сына по пути домой — во время короткой остановки на Филиппинах. Я сам об этом не догадывался. Я был в полной уверенности, что девушка, работавшая военным корреспондентом, пользовалась надежным противозачаточным средством.

Опять просчитался!

Повсюду понатыканы капканы и ловушки на дураков.

Но самая колоссальная мышеловка, какую мне подстроила Судьба, — это была прехорошенькая и обаятельная девушка по имени Маргарет Паттон, которая позволила мне ухаживать за ней и согласилась выйти за меня замуж — вскоре после окончания Уэст-Пойнта, — а потом родила мне 2их детишек, ни разу не заикнувшись о том, что в ее семье с материнской стороны имеется сильнейшее предрасположение к сумасшествию.

Так что сначала ее мать, которая жила с нами, сошла с ума, а потом и сама она потеряла рассудок. Более того, наши дети могут с полным основанием опасаться, что и они тоже в пожилом возрасте спят.

Наши дети — а теперь все они взрослые люди — никогда в жизни не простят нам того, что мы имели потомство.

Да, влипли мы все, ничего не скажешь.

Я понимаю, что, сравнивая мою первую и единственную жену с таким бесчеловечным устройством, как ловушка для дураков, я рискую показаться столь же бездушным адским изобретением. Но множество женщин с удовольствием и без всяких осложнений общались со мной, и меня тоже интересовали их человеческие, а не чисто механические свойства. Я почти каждый раз был так же увлечен их душами, их умом, историями их жизни, как и их любовным пылом.

Но когда я вернулся домой с войны во Вьетнаме и задолго до того, как Маргарет и ее мать проявили со всей очевидностью для меня, и наших детей, и наших соседей явные и яркие симптомы своего наследственного безумия, эта дружная команда в игре в «дочки-матери» стала ко мне относиться как к докучному, но необходимому предмету бытовой техники — вроде пылесоса.

На меня неожиданно валились не только неприятности, были и удачи, можно сказать, «манна небесная», но все же их было явно недостаточно, чтобы жизнь показалась похожей на райские кущи, куда там... Но сразу же после моего возвращения с войны, когда я не имел ни малейшего представления о том, куда податься и что делать всю оставшуюся жизнь, я неожиданно встретил своего прежнего командира, который стал Президентом Таркингтоновского колледжа, в Сципионе, штат Нью-Йорк. Мне тогда было всего 35, и жена была еще в своем уме, а теща только слегка тронулась. Он предложил мне место учителя, и я согласился.

Я мог принять его предложение с чистой совестью, хотя у меня не было никаких ученых степеней, кроме диплома об окончании Уэст-Пойнта, — дело в том, что все ученики в Таркингтоне были так или иначе

неспособны к учению или вообще олигофрены и тупицы, и прочее в этом роде. Мой старый командир заверил меня, что я могу по любому предмету без труда дать им сто очков вперед.

Но он хотел, чтобы я преподавал в основном Физике, а у меня как раз были отличные отметки по физике в Уэст-Пойнте.

А самая-то главная удача для меня, самая полная поварешка манны небесной, заключалась в том, что в Таркингтоне был нужен человек, способный играть на Лютцевых колоколах. Это был набор колоколов, который помещался в башне над библиотекой, где я сейчас пишу.

Я спросил своего старшего командира, как надо звонить — за веревки дергать?

Он ответил, что раньше приходилось и за веревки дергать, но потом туда провели электричество и теперь надо играть на клавиатуре, и всё.

— А что за клавиатура? — спросил я.

— Как у рояля, — сказал он.

На колоколах мне играть не приходилось. Мало кому выпадает такая звонкая возможность. Но на рояле-то я играл! И я ему сказал:

— Пожмите руку вашему новому звонарю.

Нет сомнения: самые счастливые минуты моей жизни наступали дважды в день — утром и вечером, когда я играл на Лютцевых колоколах.

Я приехал в Таркингтон 25 лет назад и с тех пор живу в этой чудесной долине. Это мой дом.

Здесь я учительствовал. И совсем недолго был Начальником тюрьмы — это когда Таркингтоновский колледж официально был объявлен Таркингтоновским Государственным Исправительным Заведением — в июне 1999-го, 20 месяцев назад.

Теперь я сам стал здешним заключенным, но живу довольно свободно. Меня пока еще ни в чем не обвинили. Я жду суда, который состоится, видимо, в Рочестере, по подозрению в организации массового побега из Нью-Йоркского Государственного Сверхнадежного Исправительного заведения для взрослых в Афинах — на том берегу озера.

Оказалось, что у меня еще и туберкулез, и моя бедная помешанная жена Маргарет с матерью по указанию суда были помещены в сумасшедший дом в Батавии, штат Нью-Йорк. Вот на это у меня никогда духу не хватало.

Я теперь попал в положение униженного и оскорбленного, так что деятель, в честь которого меня называли, будь он в живых, мог бы, наконец, обратить на меня внимание.

2

В те далекие времена, когда царил оптимизм, и до всех поголовно еще не дошло, что люди убивают свою планету при помощи побочных продуктов своей изобретательности и что мы уже шагнули за порог нового Всемирного Оледенения, существовало общее название для крытого фургона, запряженного лошадьми, которые тащили переселенцев и их пожитки по прериям будущих Соединенных Штатов Америки, а потом через Скалистые горы к самому Тихому океану, — это было слово «Конестога»: первые такие фургоны сколотили в долине Конестога, в Пенсильвании.

Заодно они снабжали колонистов и сигарами, не считая всего прочего, так что до сих пор, в 2001 году, их частенько зовут «стоги» — от «Конестога», только покороче.

А тогда, в 1830-м, самые прочные фургоны, пользовавшиеся особой популярностью, делали как раз в компании «Мохига-Фургон», здесь, в Сципионе, штат Нью-Йорк, у самой узенькой части, вроде талии, озера Мохига, самого глубокого, холодного и дальнезападного в цепи длинных и узких озер, которые так и зовут «фингерлейкс» — Пальцы-озёра. Так что наиболее образованные курильщики сигар вполне могли бы называть свои слезоточивые бомбы не «стоги», а, например, «моги» или «хигги».

Основателем компании «Мохига-Фургон» был Аарон Таркингтон, талантливый изобретатель и удачливый промышленник, несмотря на то, что он не мог ни читать, ни писать. Сейчас в нем сразу опознали бы ни в чем не повинную жертву наследственного генетического недостатка, именуемого дислексия. Он сам о себе говорил, что ему, как императору Карлу Великому, «недосуг учиться читать да писать». Однако он все же выкраивал по два часа в день, несмотря на занятость, и жена каждый вечер читала ему вслух. Память у него была феноменальная, и в своих еженедельных лекциях для рабочих предприятия он то и дело цитировал по памяти длинные фразы из Шекспира, из Гомера и из Библии, да и вообще откуда угодно.

Он стал отцом 4 детей — сына и 3 дочерей, и все они, как 1, могли и читать, и писать. Но они все же оставались носителями гена дислексии, который преградит дорогу нескольким их потомкам к традиционному процессу обучения. Двое из детей Аарона Таркингтона, кстати, оказались настолько далеки от дислексии, что даже сами написали по книге — я их прочел только сейчас, и очень сомневаюсь, что их кто-нибудь когда-нибудь прочтет, кроме меня. Единственный сын Аарона, Элиас, написал технический